

18+

Александр Карнишин

Настоящее фэнтези

Сборник рассказов

Александр Карнишин

**Настоящее фэнтези.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Карнишин А.

Настоящее фэнтези. Сборник рассказов / А. Карнишин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749217-5

Гоблины, эльфы, колдуны, магические войны, сказочные миры — сказка,
но только для взрослых. Для любителей фэнтези и не только для них. Книга
содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749217-5

© Карнишин А.
© Издательские решения

Содержание

Черный колдун	6
Не Галатея	9
Чесотка	11
Гаврюша и Миха	15
Непобедимый	18
Темный эльф	21
Тайная служба короля	24
Здесь живут чудовища	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Настоящее фэнтези
Сборник рассказов
Александр Карнишин**

© Александр Карнишин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черный колдун

Друзья – это самое главное, что есть в жизни. Кто-нибудь напомним тут сразу про любовь, про семью и родственников, но Ян знал точно: друзья и настоящая дружба – главное всего. Поэтому он и собрался в тот свой поход. Не то, чтобы он очень уж любил подраться, или там бойцом был великим, совсем нет. Он и рыцарем-то не был на самом деле. Родители держали небольшую гостиницу почти под самой городской стеной, а он учился в местной академии, как полагается сыну почтенных родителей, имеющих на это средства. Там, в академии этой, он и нашел себе друзей.

Сначала подружился с огромным Рашем. Раш был высок, широк, имел выдающийся вперед живот, в который можно было бить кулаком со всей силы, как в огромную подушку, а он и не чувствовал ничего. На уроках боя он пользовался палицей, да так ловко, что мог двух мечников осилить.

Раш после очередной студенческой заварушки в каком-то кабаке буквально приволок на себе Чингиза. Заросший черным курчавым волосом до самых глаз Чингиз учился на анти-магика, а в бою действовал легким изогнутым клинком и кинжалом. Учителя его хвалили за воздушную легкость в бою и скорость. А еще ругали за взрывной характер.

Так их стало трое: Ян, Раш и Чингиз. Никто не сказал бы, глядя со стороны, кто тут у них главный. Потому что никаких таких главных не было и быть не могло среди настоящих друзей. Они просто дружили – такие разные и совершенно не схожие по характерам. Огромный уважень Раш, от которого отлетали любые даже самые обидные шутки, потому что он и сам был рад подшутить над собой. Худощавый и гибкий Чингиз, хватающийся за кинжал при каждом смешке или даже просто «неправильном» взгляде в его сторону. Белобрысый длинный флегматичный Ян...

Ян учился на учителя. Вообще-то на всех факультетах учили преподаванию своих дисциплин, но Ян сразу пошел именно на педагогический факультет. Он и друзьям объяснял, что все беды в жизни – это просто от плохих учителей. Поэтому так выходило, что они встречались только на общих потоковых лекциях, да еще после учебы, если выпадала минутка. Ну, или часок-другой.

Иногда, когда было совсем туго с деньгами, они втроем заваливали к Яну, вернее, к его родителям. В гостинице внизу был маленький трактир – вот там их мама Янова кормила и поила, вздыхая и жалея. Но никогда не ругала. Она понимала, что это вот – друзья. А без друзей любому в жизни трудно.

Потом как-то вдруг пропал Чингиз.

Ян заметил это примерно через неделю. Ну, там три дня – это еще куда ни шло. Так бывает – мало ли что. Но когда целую неделю не виделись, и на лекциях не пересекались, и вечерами никак...

– А что случилось-то? – спросил Ян у Раши.

Тот пожал могучими плечами, вздохнул отчего-то и потребовал еще пива. Сам он был мрачный какой-то. Раш и так-то был не очень разговорчивый. Спокойный такой, чуть медленный. Казалось, он всегда двигается осторожно, чтобы не зашибить кого ненароком.

А потом пропал и Раш.

Ян ходил по коридорам академии, потом по кругу заглядывал во все кабаки, где, бывало, гуляли студенты, шел домой, где каждый час, а потом и чаще выглядывал на улицу: по летней поре окошко держал он в комнате распахнутым, чтобы не так жарко было. Друзья все не появлялись. Это тревожило.

Зато появились их подружки. Они пришли вдвоем, решительно и с напором. Пробились через маму, проломились через папу, достучались до Яна.

И вот теперь он ехал, сгорбившись, по пыльной проселочной дороге. Сгорбившись, потому что тяжело: рубаха, потом безрукавка стеганая, потом кольчуга длинная, еще кираса, наручи, поножи, шлем с клювом, длинное копьё в правой руке, прямой меч под левой. Как еще их лошадка, что таскала обычно тележку с продуктами с рынка, везла теперь на себе такую тяжесть? Со стороны поглядеть – ну, чисто рыцарь в полном вооружении.

Ян вообще-то так и учился «на рыцаря». Он садился в манеже на коня, потом разогнался по длинной дорожке, усыпанной белым песком, и тыкал тяжелым копьём в мяч, насаженный на кол. Если промахивался, поворачивал, мелкой тряской рысью доезжал до старта, и по команде преподавателя снова летел вперед.

А теперь не летел, а плелся еле-еле шагом. Жарко, тоскливо...

Подруги сказали, что Чингиз, как студент-антимагик, подписал с кем-то контракт на черного колдуна в недалекой деревушке. Деньги по контракту могли помочь ему продержаться лишний год в городе, а там уже и диплом совсем близко. Карту ему дали заказчики, описание полное, мешок кожаный для головы того колдуна. Ушел Чингиз – и не вернулся.

Через неделю засобирался за ним Раш. Потому что – друг, и потому что контракт они подписывали вдвоем, в кабаке, крепко подвыпив. И там же и решили, что всю прибыль пополам, но подвиг – наособицу. Каждый сам хотел побить могучего черного колдуна из недалекой деревушки Рыски.

Вот, выходит, и очередь Яна теперь пришла.

Он-то контракт не подписывал, и на черного колдуна ему, честно сказать, было совершенно наплевать. Он же учителем хотел стать, а не рыцарем и не борцом с всякой нечистью. Вот только дружба...

Дружба!

Ян выехал на опушку леса и посмотрел сверху от холмов на деревушку Рыску.

Ну, вот... И где там друзья-то? Он толкнул пятками лошадь, и та, осторожно ступая, двинулась вниз по песчаному склону. Пятками он ее пихал, потому что наотрез отказался надевать высокие рыцарские сапоги со шпорами. Во-первых, в такую жару в сапогах было просто неприлично и неудобно, а во-вторых, как же это, живое существо – железными шпорами?

У самой околицы он слез, пыхтя и отдуваясь, свалил в кучу копьё, меч, шлем, кирасу, налокотники, поножи, кольчугу, из которой еле выпутался, стянул стеганую безрукавку. Отпустил лошадь пастись, а сам пошел по деревушке, загребая горячую белую пыль босыми ногами. Легкий ветерок сушил мокрую рубаху, играл с белесыми вихрами.

Рыска была именно деревушка, не деревня и тем более не село. Всего и было четыре дома квадратом и площадка небольшая посередине. Там сидел пацан лет десяти и играл в песок. Он что-то бормотал себе под нос, водил руками, передвигал с места на место игрушки. Ян подошел и стал смотреть. Ему дети нравились, он детей любил. И играть с детьми он умел. Еще через полчаса они уже вдвоем сидели в белой пыли и играли в солдатиков, передвигая их, заходя во фланг, атакуя и отступая. Наконец, глянув на начавшее уже опускаться солнце, Ян с сожалением встал. Глядя сверху на мальчишку, спросил:

– Слушай, тезка, – а паренек был тоже Яном, что обнаружилось в ходе игры. – Ты таких вот не видел здесь?

И он подробно и красочно описал своих друзей, даже показывая, как артист на сцене, как сутулятся немного Раш и при этом, сутулясь, ходит пузом вперед, как не сутулятся, а опасно пригибается Чингиз...

– Кровники твои? – понимающе переспросил Ян-маленький. – Убивать их будешь, когда найдешь?

– Да ты что? – замахал руками Ян-большой. – Это же друзья мои! Я друзей своих ищу!

– А-а-а... Друзей, – понимающе шмыгнув носом малец. – А не колдуна?

– А зачем мне колдун? – искренне удивился Ян. – Мне не колдун, мне друзья нужны. Я соскучился уже.

– Ну, забирай, выиграл, – кивнул пацан и убежал, ушлепал, поднимая пыль, куда-то за дома.

– Что забирать? – поднял к затылку по привычке руку Ян. А в руке – оловянная фигурка бойца с палицей. В другой руке – вторая. Там присевший в боевой стойке бородатый воин с маленькой саблей и кинжалом.

В город они вернулись уже втроем, хотя Чингиз и Раш еще двигались плохо. Все суставы у них щелкали и скрипели, и слабость еще была, и спину ломило. Потом немного откормились, попили пива, и опять ходили везде втроем – Ян, Чингиз и Раш. Только теперь слушали они Яна, прислушивались, переглядываясь иногда и кивая согласно.

А он еще раз пригнулся – настоящий друг! Это когда вытаскивал их из тюрьмы, где они сидели в ожидании суда. Встретился им опять тот странный человечек, что контракт подсовывал на черного колдуна. Встретился и подошел сдуру или с наглости своей выяснить, как там, мол, дела? Ну, и побили они его, натурально. А кто бы не побил после такого?

Иногда, когда друзья были заняты или если у него самого было свободное время, Ян ездил в недалекую деревушку Рыску и там играл в солдатиков с Яном-маленьким.

Только больше пока никак не удавалось выиграть.

Не Галатея

Скульптор смотрел на нее влюбленными глазами, а она, нисколько не стесняясь своей наготы, вертелась, сгибалась и разгибалась перед большим, во всю стену, зеркалом. Да и чего ей было стесняться, если она столько времени даже не знала, что такое одежда?

– Это что? – спросила она.

– Где?

– Вот это. Что это такое? Что это за складочка? – она недовольно повернула прелестную головку и показала оттопыренным пальцем на свой бок.

– Ну, радость моя, это – складочка, которая всегда появляется, если согнуться вбок, но она красивая! Ты вся красивая! Это правда! Я люблю эту складочку! Я люблю всю тебя! А иначе бы...

– ...Ну, нет, – не слушала та, – складочку придется убрать. Лик-ви-ди-ро-вать, – по слогам, со вкусом произнесла она новое слово, пришедшее в голову.

– Но как же, солнышко...

– А это, вот это – что такое, а?

Она похлопала себя ладошкой по подбородку.

– Ты мне что, второй подбородок приделал, что ли?

– Какой второй подбородок? – в ужасе всплеснул он руками. – Что ты выдумываешь?

Она опустила голову вниз, плотно прижав подбородок к груди, и посмотрела искоса в зеркало:

– Вот же! Ты что, не видишь? Тоже мне – художник! Нет, так не пойдет. Это тоже надо будет убрать, – она еще раз взглянула в зеркало. – ...И живот тоже. Ты слышишь?

– Но как...

– И еще, – она крунулась, смотря в зеркало через плечо. – Эта толстая задница не может принадлежать мне!

– Ты совершенна! Ты – закончена!

– Что-о-о? Как это – закончена? Это, – она выделила голосом, да еще рукой обвела свое отражение в зеркале, – никому показывать нельзя. Понимаешь? Немедленно, сию же секунду убери все это. Или...

– Хорошо, – сказал он, беря в руки молоток и перебирая на рабочем столе свои инструменты. – Я все понял. Становись обратно.

...

Через день к нему пришел лучший друг, который видел рождение великого чуда с самого начала – от куска мрамора до почти живой в своей красоте и замершем жесте скульптуры.

– Ну, как? Ты уже закончил свою Галатею?

– Да, пожалуй, – протянул нехотя скульптор, мрачно сидящий на простом табурете в углу студии.

– Я могу поглядеть?

– Смотри...

Друг обошел вокруг скульптуры, накрытой белой простыней, приподнимая то один, то другой ее край, а потом отошел и сел на второй табурет возле скульптора. Помолчали немного.

– Ноги. Они просто прекрасны...

– Ага.

– И грудь. Ты знаешь, она...

– Да, конечно, – равнодушно кивнул скульптор.

– Эта шея...

– Угу... И бедра, и руки, и лицо... Слышал уже.

– Но...

– Вот именно. Ты тоже заметил?

– Это не она...

– Да. Это – не она.

Пигмалион вторую ночь сидел возле своей гениальной скульптуры, отвечающей всем критериям женской красоты. Но это была не она. Это была не Галатея.

Она не оживала.

Чесотка

Он проснулся от боли. Во сне от немилосердной чесотки чесал и чесал руку и плечо, пока не расчесал до крови, до мокрого под ногтями и до полного пробуждения. Чесалось ужасно, до головокружения, до горячего лба, потной спины и потемнения в глазах. Терпеть такое было просто невозможно:

– Нянька! – крикнул, задохнувшись спросонок. – Квасу мне! Холодного!

– Все скубешься, скубешься, – ворчала нянька, поднося ледяного, из сеней, квасу. – И чего бы ведуна не позвать? Давно бы вылечил...

Не огрызнулся, как обычно. Пил жадно, вливая в себя кислое. До холода в животе, до холода в спине – пил, пил, пил...

Все равно чесалось.

А и то – по каждому случаю ведуна звать? Так княжеской казны на воев не хватит. Будет тут ведун, как приклеенный, только кидай ему монету за монетой, чтобы лечил, да разъяснял. Самое-то обидное, что никто не виноват, кроме самого же себя.

Третьего дня в ночь, как обычно, пошел проверять караулы. Конечно, воевода за оборонным делом смотрит, но на что тогда нужен князь, если сам не проверит? А князь теперь он, Ясень, потому что папка poleg в последнем походе. Соседи дракона выставили против пешцев – тут даже и не убежать, дракон все равно быстрее. Все там и легли.

Ясь уже подходил по стене к крайнему в ряду посту, когда услышал тупой удар. Именно услышал сначала, тупое и с хрустом такое, а потом его рвануло вперед, и потекло горячее по груди. И только после этого вдруг вспыхнула, как встающее солнце, дикая боль, замутившая сознание и подкосившая, заплетшая ноги. Он тогда так и свалился под ноги вскочившему с лязгом часовому. Тут же тревогу подняли, воевода набежал с руганью и с ближними своими. Смотрели следы, шурились в тьму за стеной, прикидывали, откуда кинули стрелу, что насквозь пронзила мышцы чуть выше левой ключицы.

– На ладонь если бы ниже – и все, – сказал поутру воевода, кусая зло и одновременно раздумчиво длинный рыжий ус. – И знаешь, княже, похоже – из двора стрелили. Вот так, смотри, ты шел, а вот так тебя, значит, кинуло...

Он сам прошел, как будто вдоль стены, потом крутнулся как от удара, свалился под дверь.

– Видишь, да? Сзади удар был. Из тени, так что никто ничего просто не видел. Да ты и сам виноват.

– Я? Я, что ли, сам себя? – возмутился князь, приподнимаясь на ложе.

– Мы даже подчасков заставляем в броне ходить. А тебе, выходит, можно по стене в рубашке бегать? А был бы ты в кольчуге...

– И что? Вон, гляди, насквозь прошла, дырка круглая... Так и кольчуга бы не сдержала.

– Да кто ж знает... Может, и сдержала бы. А теперь вот – лечись и думай, кто мог на тебя покуситься, и кому польза от того.

За день кровь присохла. За второй почти совсем зажило, только рукой двигать больно и щит не удержать. На третий рана совсем закрылась.

Но как же чешется!

Ясь сжимал челюсти до хруста зубного, кулаки – до следов от ногтей на ладонях. Чешется же! Ну, как удержаться?

– Это хорошо, хорошо... Чешется – значит, заживает! – успокаивал лекарь, что лечил воев.

Да ведь зажило уже! Почти зажило! А чешется так, что хоть на стену лезь. А если чуть расслабишься, придремлешь, так обязательно правой рукой за левое плечо – и чесать, чесать, чесать до крови, до боли, до воспаления уже по всей руке.

Говорили, что от ран хорошо баня помогает. А тут после бани еще хуже стало. Сукровица выступила, да яркая такая, желтая, пачкающая простыни. И чешется теперь не вокруг шрама, уже вполне сформировавшегося, на звезду чем-то похожего, а и вся левая рука, и грудь, и спина – а спину-то как достать? Да так чешется, что не почесаться если – до головной боли доходит. До дрожи в руках, как после пьянки хорошей. А почешешься – потом весь сукровицей истекаешь, и кожа вся ноет, и будто даже кости – тоже...

– Все! Не могу больше! Черт с тобой, посылай за ведуном!

Молодой еще князь-от... Давно уже послали, до его команды. Иначе – что ж, с больным-то князем много не навоюешь.

Только ведун не торопился, хоть и денег пообещали. Все спрашивал обстоятельно посланного за ним:

– Стрелу не нашли ли? А рана зажила ли полностью? А сукровица из раны либо из расчесов? А цвет желтый ли такой, как вот у чистой серы? А вдоль расчесов шишки растут ли? Чешутся и лопаются? А подсохнув, как чешуя? Зеленым на солнце отдают?

– Да пойдем уже, дядька Евсей! Воевода меня заперет!

– Авось, не заперет. Авось, сдую я с болезнью княжей...

Княжий терем пропах болезнью да травами. Князь лежал в перинах, как драгоценный камень в коробке на подушке. Лежал и стонал тонко, нервно почесываясь, и вдруг срываясь и раздирая кожу до крови.

Уже и на живот перешла злобная чесотка. До пупка почти.

– Их, их, их, – стонал, закатывая глаза, расчесывая тело, молодой князь.

– Вовремя я пришел, вовремя, – кивнул, смотря на болячки, еще не старый ведун. – Собирайте князя. Ко мне повезем. Медленно повезем, сторожко. А чтобы не мучился он в дороге, я ему вот, отвару приготовил. Будет спать, не будет чесаться.

Тремя повозками о двуконь выехали. На двух пешие вои ехали. На той, что посередине, князя везли. Да вокруг еще шестеро дружинников конно. Вроде и по своей земле идут, да мало ли что – вон же, вон, стрела-то прилетела. Значит, смотреть надо в оба, прислушиваться ко всему.

В первой же деревне ведун отозвал в сторону старосту, передал ему золото, а взамен получил девчонку лет двенадцати. Продали сироту. А на что она селу? Так-то все же с пользой обоюдной: обществу деньги, а князю прислуга.

– Вяжите князя, – скомандовал ведун. – За руки и за ноги к бортам. Чтобы до мяса себя не расчесал. Я ему буду отвар вливать сонный, а ты, девка... Как тебе? Зорька? Как корову, что ли? Ты, девка, чеши его, чеши. Вот этой щеткой, только ей. Везде, где шишки проступают, где зелень ползет – чеши, делай ему послабление в болезни. Ну, попробуй... Да крепче, крепче.

Князь вдруг задергался, напрягся, выгнулся дугой на привязанных руках и ногах, и разом упал на дно, в перины, блаженно улыбаясь и закатив глаза.

– Ой! Чего это он, дяденька?

– Чего, чего... Зачесала, как кот. Он теперь спать будет долго и хорошо. А там, может, и развяжем уже.

Ехали медленно. На мягкой лесной дороге не слышно было почти никакого шума, только позвякивали удила, да всхрапывали изредка лошади. К вечеру князя отвязали, да он и не помнил, что ехал связанным, поводил удивленными глазами, вспоминая, как он тут очутился.

– Вот, княже, – объяснял, присев рядом с ним ведун. – Есть душа наша, или еще ее разумом зовут, а есть организм. Ты в столице в зверинце зверя облезьяна видел? Вот, он почти как человек, только мохнатый. Ну, дак у нас в Синявке мельник такой же зверовидно заросший. Ему жена спину причесывает, не поверишь! В чем разница того облезьяна и человека? Не в том, что руки длинные у него, и не в шерсти, а в отсутствии души, сиречь разума. И вот если поранится облезьян в природе своей, то слезает с дерева, где живет, ищет подорожник,

жует его и прикладывает жвачку к ране. И тем выздоравливает. А если болит брюхо, то нюхает травы, и находит нужную, и ест ее – и выздоравливает. Кто же ему рассказал про подорожник? Они же не разумные твари, бездушные, говорить не могут. Кто? Сам организм подсказывает. Мы же, люди, сильны разумом. Мы думаем, мы говорим, пишем. И не слушаем организм – ну, только когда совсем уже он разболеется. Да и тогда не организм слушаем, а ведуна зовем.

– Ты это к чему ведешь? – трудно, как будто вспоминая слова, спросил князь.

– Тот отвар, что я тебе давал, княже, он не совсем снотворный. И вовсе не от чесотки. Он должен твой разум гасить, оставляя организм бодрствовать. И тогда сам он, твой организм, найдет нужную траву, нужную лекарству. Понял ли?

– А человек без разума – он как облезьян, выходит? – медленно понимал князь. – И ты, что ли, из меня такого облезьяна сделать хочешь своим отваром?

– Я, княже, хочу видеть тебя сильным и здоровым. Ты нам с воеводой таким нужен – сильным и здоровым, – серьезно отвечал ведун, прыгивал с повозки и шагал быстро вперед, показывая на открывшуюся справа полянку.

Устраивались привычно. Ночи стояли сухие, поэтому шатров не раскидывали. Разложили костры квадратом, положили на перине князя, девка это со щеткой все чесала, да сметала пыль белую кожную с плеч его и спины. Есть он не стал, снова упав в бессознание. Остальные же перекусили всухомятку, да разлеглись кто где. Горячее было обещано в ближайшем селе – завтра примерно к обеду, если вовремя выехать.

– Ты, княже, зря себя сдерживаешь, – осматривая больного, твердил ведун. – Ты отпусти, отпусти душу-то на волю. Дай организму самому решить, что ему надо. Вот тут чешется ли?

– Везде чешется. Ой, как чешется! – рычал князь, уткнувшись в подушку, а девка тут же начинала чесать, чесать, чесать плавными движениями, постукивая щеткой по борту повозки, сбрасывая пыль кожную.

На третью ночь ведуна разбудил встревоженный часовой.

– Чего это он? – тыкал пальцем в опушку леса, вдоль которой, неуклюже подпрыгивая, прохаживался на каких-то слишком коротких ногах совершенно голый князь.

Ведун смотрел, загородившись рукой от углей костра, улыбался чему-то. Князь то прыгал боком, то переступал короткими ногами, а руки у него вдруг вытянулись, легко доставали до земли, но он держал их в стороны, как орел, присевший на жертву.

– Ай, молодец, – шептал ведун. – Отпустил душу. Яся, Яся, Ясюшка, иди сюда, иди ко мне... Иди, я тебе спинку почешу..

Князь... Да князь ли? Смотрел недоверчиво, наклоня голову, приближался с опаской.

– Ай, красавец, ай, молодец какой, маленький... Яся, Яся, – подманивал ведун.

– А девка-то его где? – вдруг встрепенулся дружинник.

– Девку он схарчил, пока ты дрых у костра. Они завсегда девками питаются. Оголодал, маленький...

– Да как же это... Сказки это все! И какой – маленький? Князю уж за двадцать!

– Дурак ты, Федька. То князю уже за двадцать. А Яся наш, Ясюшка, маленький наш – он только что... И теперь надолго, если не навсегда.

– А что это? – палец указывал на то, что приблизилось к костру. Не князь, да и не человек уже. Весь в зеленой чешуе, кое-где покрытой еще остатками кожи. Зубы, острые, как ножи, золотой глаз с поперечиной...

– А это, Феденька, дракон. Ну, иди ко мне, Яся!

Ведун достал щетку, постучал ею по повозке, а потом начал размеренно чесать подкравшегося дракончика, закатившего в него глаза.

– Вишь, малой совсем. На крыло еще не встал. А где у Яси шрамчик от стрелы? Нету у Яси шрамчика. Говорил я князю, что заживет – и зажило... Вот откормится – мы ему еще

девку купим, если надо. А там и домой можно, в крепость. И будет у нашего воеводы свой боевой дракон.

– Ну, как, воевода, отработал я свое?

– Хорош, – восхищено смотрел в небо воевода. – Князем-то был дурак-дураком, а драконом – ей-богу хорош!

– Это он еще малой совсем, а как в полную силу войдет... Ого-го!

– Да то я знаю. А драконицу ему не сыскать? Было бы не скучно ему.

– Не бывает у них дракониц. Вот только так, через кровь размножаются. Жаль вот только, что стрелу нужную ты потерял.

– Чего это – потерял. Вот она, бери. У нас все в целости и сохранности.

– Ну, воевода, ну, молодец! В общем, зови, если что опять надо будет.

– Да теперь-то, с драконом, мы и сами от кого хочешь отобьемся.

Гаврюша и Миха

Мы с братом пошли на рынок – нас мама послала. Утром, говорит, пораньше, чтобы не слишком жарко было. В каникулы подняла нас рано утром – и на рынок послала.

Хорошо еще, что не меня одного. Вот тогда было бы по-настоящему обидно. А вдвоем совсем почти не обидно. Потому что жарко обоим. И не выспались оба, хмурые с утра поэтому. Но мама не стала ничего слушать, никаких возражений и прочих звуков. Она у нас – ого-го! Ее даже папа слушается, когда она так начинает говорить. А она именно так и сказала:

– На рынок! Быстро! А то вернется отец, а у меня еще не готово ничего!

И мы даже забыли ответить, как обычно:

– Ну, ма-ам, ну, прямо вот в каникулы, ну, ты чего...

А просто повернулись и пошли. Вдвоем. Вот так она нам сильно сказала, что даже и не подумали спорить – а повернулись и пошли. Даже без завтрака.

Когда мы уже повернули за угол, Миха дернул меня за рукав:

– Чего молчишь-то?

Миха у нас вообще-то младший. Я – старший. Это у нас все знают. Правда, ростом мы одинаковы, а некоторые даже путают в лицо, но все равно я родился раньше, пусть и всего на несколько минут. А это значит, по закону если, что все хозяйство останется потом мне. А Миха может тогда остаться со мной, если захочет, а может идти в службу. Но я думаю, что ему можно будет остаться. Потому что – ну, как я без брата? Вот сейчас на рынок идти в одиночку было бы гораздо хуже и в сто раз обиднее. А вдвоем, вроде, нормально.

– Ну, чего молчишь?

А чего говорить, когда уже вон он – рынок. Я дал Михе корзину, а сам считал деньги, расплачиваясь. На самом деле, Миха считает ничуть не хуже меня. Честно говоря, даже лучше. Совсем немного лучше. Но я старший, а поэтому деньги всегда у меня. И спрос потом с меня будет, если что.

Мы купили круглый теплый хлеб у пекаря, потом густой желто-белой сметаны, еще крынку свежего молока – папа любит молоко – и большой кусок сыра. Тут уже Миха мне подсказывал, какой сыр лучше. Я лично люблю сладкий, коровий, а Миха всякий сыр любит. Он про сыры много разного знает, и на вкус сразу определяет даже время созревания. Он сказал, чтобы взяли сегодня козий, белый с голубыми прожилками. Ну, правильно. Такой родители как раз любят. Но зато мы еще поторговались, пока по сырам ходили, и осталось чуток денег. Мы переглянулись с Михой молча, и пошли опять к пекарю. И он нам дал по сладкому маковому бублику. Это было справедливо, я считаю, потому что завтрака же у нас не было. Хоть и каникулы...

Потом мы побежали домой, потому что солнце уже было высоко, а это значило, что папа скоро вернется, и его надо будет кормить. Мы успели как раз вовремя. Только отдали корзину маме, как сзади свирепым зверем завыло, закричало, заухало, зарычало, а потом как накинuloсь! Страшно и смешно, аж до визга.

Это папка так всегда шутит. Он у нас большой и очень сильный. Он может взять коромысло на плечи, и когда мы ухватимся за концы, раскрутить лучше любой городской карусели. Еще он может подкинуть меня, ну и Миху тоже, высоко-высоко, а потом поймать, когда уже сердце закатывается от испуга. Он самый веселый и добрый.

Я поливал ему из ведра, а Миха носился рядом и не знал, что бы еще такого полезного сделать. Потом он сбегал к крыльцу и принес полотенце. Но папа еще долго мылся, отфыркиваясь и отплевываясь от мыльной пены. Он снял с себя все, кроме исподних штанов, и я лил из ведра прямо на спину, на голову, на затылок. А он громко ухал, разбрызгивал воду, даже подпрыгивал босыми ногами.

А потом мы все вместе пошли завтракать.

На завтрак мама приготовила нам кашу пшеничную. Вернее, эта каша была не на завтрак, а стояла с вечера в печи, упревала. Еще были вареные яйца, совсем горячие. Ими можно было стукаться. А папа научил бить яйцом в лоб, чтобы раскалывать сразу. В лоб больно, как от щелбана, но не обидно, потому что сам. Еще были толстые пышные и дырчатые блины, которые мама густо намазывала свежей сметаной, и горячий чай с медом, что принес медоноша на той неделе.

Мы так наелись с Михой, что сразу не могли даже вылезти из-за стола. А папа посмотрел на нас хитро и сказал, чтобы шли гулять, потому что вечером он нас ждет на площади.

Мы, конечно, пошли. Потому что, когда папа вот так говорит – это совсем не каждый день и даже не каждую неделю бывает. Это настоящий праздник просто такой получается. Да еще и каникулы, и лето. Мама тоже сказала, что нам можно гулять до вечера, и отрезала краюху черного хлеба на двоих. Вот мы и пошли.

А они остались, потому что папе спать после ночной смены.

Летом хорошо. Во-первых, не надо учиться и делать домашнее задание. А во-вторых, лето – это лето. Можно просто гулять по улицам и на всех смотреть. Можно выйти за ворота и дойти до самого леса. Можно играть в своем дворе. Там мы играли в ножички. Рисовали большой круг, как царство. Делили ровно пополам. А потом играли в ножички, отрезая по куску то там, то здесь. Если умеешь в ножички – можно долго играть. Мы даже рубахи сняли, потому что было жарко. Но не кричали и не шумели, а то папа проснулся бы, а мама бы стала ругаться. Так, толкались только иногда, и шептали разное. Но не кричали.

А когда уже нагулялись и наигрались, съели весь хлеб, а из полей потянуло вечерней прохладой – вернулись домой. Папа уже ушел, но еще раз напомнил про площадь маме. И она нас покормила, а потом тоже туда отправила, потому что ведь каникулы, и не каждый день такое бывает, и даже не каждую неделю.

А на площади уже было настоящее людское море, но нас пропустили к самой середине, потому что узнавали.

– О! – говорили в народе. – Гаврюша с Михой пришли! Проходите ближе, пацаны! Сейчас начнется!

Гаврюшей они меня звали. Вообще-то я Гавриил, а Миха, конечно, Михаил. Как старшие архангелы. Только все равно я старше его, и дом с хозяйством – мне.

Мы протиснулись к самой середке. Там был помост со столбом и ступеньками. Вокруг стояли гвардейцы. А с помоста громко кричали – читали обвинение. Потом вывели нашего бывшего директора городской гимназии. Мы его никогда не любили – он слишком строгий был и злой на всякие детские шалости. А тут выяснилось, что был он, оказывается, в сговоре с врагами и даже хуже того – настоящий еретик.

А потом вышел папа. Он был в красном колпаке, закрывающем голову и плечи, но мы-то знали, что – папа. Мы чувствовали. И вот он раздел до пояса директора. Вернее, уже бывшего директора. Потом уложил его на бревно и замкнул специальными цепями руки и ноги. А потом ходил вокруг и махал руками всем, чтобы кричали. Вся площадь кричала, и мы тоже кричали:

– Смерть! Смерть! Смерть!

Папа взял железный лом и сломал директору руки и ноги. Тот кричал, но мы все кричали еще сильнее:

– Смерть! Смерть! Смерть!

Потом снова вышел герольд и громко огласил, что за такие страшные преступления положено сжигать заживо на медленном огне, но князь наш сегодня добр и дает великую поблажку.

– Да, точно, сжигать таких надо, – кивали в толпе. – Ишь, какая зараза-то выросла!

А поблажка для директора была такая, что папа взял большой топор, поплевал на руки, взмахнул им – все замерли сразу, и даже директор больше не кричал и не стонал. А потом – раз! Тупой стук, и покати́лась голова. Губы еще кривились и глаза открывались – я сам видел!

Но папа-то был каков – с одного удара!

Потом он спустился с помоста, снял свой колпак, бросил его назад помощнику, обнял нас обоих за плечи, и мы вместе пошли домой. К маме.

– Ну, что, Миха, – спросил папа. – Учиться профессии когда начнешь?

А Миха подумал, подумал, а потом сказал солидно, почти как взрослый:

– Через месяц, пап. Вот дай от этой гимназии отдохнуть немного – а потом учи.

Вокруг шумела площадь. Папу хлопали по плечам, жали руку, приглашали в гости, кланялись издали вежливо. Но он мотал головой и говорил, что обещал сегодня дома быть. Вот, с сыновьями будет ужинать и о жизни говорить. И все кивали уважительно. Потому что кто еще о жизни мог знать больше, чем городской палач?

Непобедимый

Принц Аджак был известным на весь мир непобедимым борцом на поясах. Весь год до обязательной ежегодной очередной войны с очередным врагом королевства он только и делал, что разъезжал по стране, выискивал в каждом городе главного местного силача и обязательно боролся с ним на поясах. И всегда выигрывал, укладывая огромного местного борца аккуратно плашмя на спину. После этого всенародного действа под громкую музыку и возбужденные вопли толпы был пир на весь мир – это тоже была традиция. Поэтому во всех городах и селах ждали с нетерпением, когда же принц Аджак приедет к ним. Побороть его никто и не мечтал, но вот пир... Пир – это да! И еще – разве просто побыть рядом с великим силачом, то есть, даже с величайшим силачом и непобедимым борцом, да еще и принцем и даже маршалом и главнокомандующим – разве одно это уже не счастье?

Ваньо был простым пастухом в своем селе. Но он тоже мечтал о приезде принца. Для этого Ваньо каждое утро делал зарядку, а потом бегал по холмам и лесам за баранами и овцами, иногда специально пугая и подгоняя их, чтобы бежали резвее.

Еще он поднимал тяжести. Целыми днями он поднимал встречающиеся валуны, или таскал на спине молодого барашка. А иногда, поднатужась, взваливал на плечи опоясанную ремнем тушу старого барана-вожака и тащил его на себе под неумолчное баранье «бэ-э-э». Отара слышала голос вожака и бежала, куда вел их пастух Ваньо.

Вечером, сдав скот владельцам, Ваньо обливался холодной колодезной водой, надевал чистую праздничную рубаху, вышитую красными крестиками по вороту и рукавам, и шел к месту сбора всех селян, к харчевне, стоящей на выезде из села. В ней всегда останавливались проезжающие через село купцы, потому что пиво у них тут варилось вкусное – это из-за воды, наверное – и еще потому что это была самая последняя «сельская» харчевня. Дальше начинались места, которые уже относились к городу, и там почему-то точно такая же еда и точно такая же постель стоили уже гораздо дороже.

У харчевни Ваньо снимал рубаху и похаживал по вытоптанному до каменной твердости двору, пошевеливая плечами, красиво напрягая руки и покрикивая, что готов сразиться на поясах с любым желающим, обещая щедро напоить пивом того, кто его победит. Пиво в селе любили. И развлечение такое – тоже. Потому каждый вечер Ваньо боролся. Он уже не раз кидал через себя или аккуратно укладывал перед собой всех сельских силачей. И даже кузнец признал, поборовшись два раза, что, хотя на руках он бы Ваньо быстро обставил, но вот спина у Ваньо крепче, потому на поясах тот и выигрывает.

Долго ли, коротко, близко ли, далеко, но заехал в село по своим королевским делам и какой-то случайный королевский гвардеец. Он пил пиво, сдувая пену с длинных черных усов, касающихся его мощной груди, если он чуть наклонял голову, смотрел рассеянно в окно на закат, думал о чем-то своем, гвардейском. А Ваньо опять похаживал по двору и звал селян сразиться с ним на поясах. И клал одного за другим всех, кто выходил против него под общий смех и крики.

Заинтересовался гвардеец, потом подозвал хозяина, переговорил с ним негромко, узнал имя борца, а утром, молча и неспешно собравшись, легкой рысью ускакал на своем невысоком коньке дальше. Наверное, в самую столицу.

А еще через месяц староста получил извещение, что сам принц Аджак заедет в его село на пути из столицы к границе.

После этого письма сразу наехали столичные. Они бродили везде, все трогали, все измеряли и все время что-то морщились недовольно. Потом потянулись подводы. На них везли разобранный по бревнышку походный дворец принца. На каждом бревне был написан свой

номер, поэтому молчаливые опытные рабочие быстро собрали на луговине, где всегда пасли коров, высокий с острой крышей, похожей на наконечник гигантского копья, дворец.

Подводы приходили и уходили.

Были заполнены все кладовые дворца – вино, еда, всякие редкости для будущего пира, как поняли селяне, наблюдающие всю эту суету.

Наводнившие село и окрестности рабочие быстро вырубili лес на сто шагов в каждую сторону, чтобы подлый враг не мог подползти и коварно ужалить непобедимого принца.

Потом рабочих увели, а вместо них пришел полк солдат, быстро раскинувший походные шатры на тех местах, где раньше был лес. Часовые встали цепочкой, перекрикиваясь днем и ночью и сменяясь каждые четыре часа. С этого дня сельский скот остался взаперти. Даже накосить травы, чтобы покормить скотину, не удавалось. Сначала скармливали старое сено, потом даже солому давали, тягая по пучку с крыши, а потом уже начали резать жалобно блеющую и мычающую скотину.

На дворе стояло лето, было жарко, а соли, как обычно, не было. Чтобы не пропало мясо, его варили, жарили и ели, давась и уже даже ругаясь втихую. Отец старосты и вовсе помер от переедания. Еще несколько селян были при смерти от того же.

Наконец, дошло дело и до Ваньо.

Он проснулся от того, что на него утренних сумерках кто-то внимательно смотрел. Попытался вскочить, но крепкие умелые руки тут же бросили его обратно на жесткий травяной матрац, прижали, полезли под подушку, приподняли лоскутное одеяло, потом держали за плечи и за ноги. Люди в черном – Тайная стража королевства – стояли вокруг Ваньо и смотрели на него холодными змеиными глазами.

– Ты будешь Ваньо-пастух?

– Я, – попытался кивнуть Ваньо.

– Не дергайся, а слушай внимательно и исполняй в точности. Завтра приедет наш непобедимый принц Аджах. Он будет бороться с тобой, пастухом. Времени у него мало. Значит, будет так: сначала ты встанешь на колени на счет раз-два-три, а потом он положит тебя, не кидая через голову. На счет раз-два-три-четыре. Понял?

– Нет, – честно сказал Ваньо. – Не понял. Я сильный, я хочу побороть принца Аджара.

– Запомни, пастух: принц Аджах есть всемирно известный непобедимый борец на поясах и символ нашей армии, непобедимой в боях. Никто и никогда не может его побороть...

– А если я смогу?

– А если ты сможешь, то все жители твоего села будут убиты, дома их сожжены, дорога перенесена в сторону, и принц все равно останется непобедимым. Ты все понял? Ты завтра борешься не за свою победу, а за жизнь всего села. И жизнь село получит только в том случае, если ты, пастух Ваньо, на счет раз-два-три упадешь на колени, а на счет раз-два-три-четыре ляжешь под ноги принца.

Сказали и исчезли, как будто и не было черных воинов Тайной стражи королевства. Но они были, потому что Ваньо очень хорошо запомнил этот серый и сухой голос, монотонно заученно твердящий ему «раз-два-три» и «раз-два-три-четыре».

На другой день к обеду приехал с небольшой свитой принц Аджах.

На вытопанную луговину перед походным дворцом принца вывели умытого и побрызганного цветочными водами Ваньо, и поставили напротив принца. За принцем стояли двое в черном, внимательно смотря на Ваньо.

Принц и пастух сошлись, взялись крепко за пояса друг друга.

Ваньо посмотрел в глаза принца и увидел там скуку и лень. И ему тоже стало скучно.

На счет раз-два-три он рухнул на колени. А на счет раз-два-три-четыре – упал на спину.

– А говорили, силач, – лениво процедил принц, отряхивая ладони. – В пехоту его, рядовым.

Подскочившие тут же сержанты с цветными нашивками на кожаных шапках дубинками подняли на ноги Ваньо и погнали к шатрам охранного полка.

– Все парень, ты свое дело сделал. Теперь будешь в королевской армии служить!

Сзади уже скрипели подводы, на которые клали бревна от разбираемого дворца. На бывшую луговину выставили столы. Еды было по счету – ровно по числу живущих в селе. Только никто не толкался и не рвался к дармовому угощению: все и так объелись мяса. Потому сидели тихо, пили легкое городское пиво и покачивали головами в неспешном разговоре:

– А силен наш принц-то! Как он Ваньо грянул о землю... А ведь мог и через себя кинуть, поломал бы тогда парня. Силен и добр наш принц. Слава ему, значит.

В армии Ваньо научили ходить строем, крепко держать тяжелое копье и тяжелый щит, колоть снизу мечом, бить сверху двуручной секирой. Бойцы вокруг него все были крепкие, как на подбор, перевитые сухими жесткими мышцами, как канатами. По вечерам они боролись на поясах. А по ночам переговаривались почти неслышно у своих костров.

Ваньо с ужасом узнал, что все его товарищи тоже легли на счет раз-два-три-четыре...

– Но как же так? Тогда наш принц, выходит, не самый сильный в мире? Но ведь тогда его победит любой принц с другой стороны, и мы проиграем войну?

– Ну, ты даешь, паря... Точно, пастух. Думаешь, их принцы по-другому борются? И потом, есть же еще мы, армия. И чужому-то принцу объяснили, небось, что если на счет раз-два-три-четыре не ляжет он под нашего, то мы сожжем и сотрем с лица земли его королевство, и убьем всех жителей, и перенесем границы... А так, все же – по мирному почти. Ну, посчитает – раз-два-три-четыре – ляжет под нашего-то. И мирно-спокойно вольется в наше великое королевство. Будет даже в друзьях у принца. В ближних, может, даже. И будет всем потом рассказывать, какой он непобедимый, наш принц. Так что спи, деревня! Спи и славь даже во сне непобедимого принца Аджаха!

Темный эльф

Неправильно все было. Очень неправильно. Засыпал в своей постели под пышным пуховым одеялом в тишине и довольстве. А сейчас чувствуется под спиной холодное жесткое дерево. И еще ремни. Много ремней. Попробовал слегка шевельнуться – сразу вспыхнул яркий свет, заставивший еще плотнее сомкнуть веки, и раздался голос:

– Он очнулся!

– Сам вижу, – недовольно отозвался кто-то, стоящий неподалеку. – Ну, глазоньки свои красивые сами открывать будем, или как? Помощь нужна?

Карел приоткрыл глаза. Знакомое место. Но – нехорошее место в ночную пору. Это же его собственная пыточная, что в глубоком подвале. Только слишком ярко освещенная, так что видны и пятна на стенах, и непромытые швы между плитками на полу. Надо бы наказать кого-то, ответственного за все. Только сначала разобраться, что здесь и сейчас происходит. Карел опять попытался шевельнуться – бесполезно. Это же его собственное изобретение – кресло с ремнями не только на руки, ноги, голову, но и на каждый палец на руке, и широкий ремень по груди, так, что еле-еле дышится. Не пошевелишься, даже если сильно постараться.

– Ну, вот наш пациент и очнулся, – добро улыбаясь, в поле зрения всплыло незнакомое лицо. – Скажите пациент, вы меня узнаете?

– Нет, – прищурившись на яркий свет, ответил Карел.

– А вы присмотритесь, присмотритесь, будьте так добры...

Эльф! И судя по всему, темный, дроу. Убийца, извращенец и садист, как все они, выходцы из темных пещер. Карела чуть не скрючило от ненависти. Это же он, Карел, должен был привязывать такого вот дроу к креслу и разговаривать с ним! Не наоборот! Это же его дом, его крепость, его подвал, наконец!

– Ага. Вижу, пациент узнал своего доктора.

А голос-то, голос какой издевательски мягкий, журчащий... От дроу пощадить не жди.

– Ну, и что мне теперь с пациентом делать? Убить быстро или пусть немного помучится?

– Я за «помучиться», – тут же откликнулся Карел.

Должны же за ним прийти когда-нибудь. Так, может, удастся выжить?

– Вот, правильно мне всегда говорили, что если эльфы – меланхолики, дроу – садисты, то уж люди – все, как один, мазохисты. И за что бы им тут держаться? За какую такую жизнь? Нет, упираются, цепляются слабыми лапками, пытаются размножиться и заполнить собой весь мир...

Говоря, дроу прохаживался по подвалу, исчезал из поля зрения, снова появлялся, звякал инструментами, присвистывал в восхищении.

– Хороший набор инструментов, дружище Карел!

– Мы уже знакомы?

– Да кто же не знает рейнджера Карела, начальника отряда Охотников на темных? У нас, между прочим, вами детей пугают. Серьезно.

Себя не называет. Хотя, какое дело связанному по рукам и ногам рейнджеру, кто его связал? Тут бы выпутаться с минимальными потерями, вырваться, а уж потом можно будет отыграть все назад.

– Молчите? Это хорошо. Когда человек молчит, он думает и воспринимает сказанное. А когда он говорит, то никогда не слышит другого. Поэтому молчите, молчите... Так, на чем я остановился? На мазохизме, так. Живут люди недолго и нехорошо. Болеют, мучаются, а еще более мучаются от контактов с себе подобными. Пауки в банке – это слишком простая аллегория. Муравейник в банке. Кишат, лезут все друг на друга, топчут, ломают, жрут тут же, тут же

плодятся больше и больше... И мечтают жить еще дольше, пусть в той же банке. Еще помучиться...

– Меня можно обменять, – кашлянув, сказал Карел.

Конечно, в обмен не слишком верилось, но мало ли, что там у темного эльфа на уме.

– А в каком же вы звании? А? Вот, то-то. Лучше помолчите про обмены.

Карел дернул углом рта, зажмурился, как от яркого света в глаза. Ну, да. Есть такое. Его отряд всегда действует в простой гражданской одежде, без знаков различия. И сам он, начальник над Охотниками – простой гражданин Карел Голдман. Никаких званий, никакой формы. То есть, дроу намекает, что все соглашения об обмене военнопленными на него не распространяются. В лучшем случае он – гражданский, захваченный врагом. В худшем – шпион или наемник. А с ними во все времена не церемонились.

– У меня нет звания, но меня знают...

– И мы вас знаем! Очень хорошо знаем, уважаемый Карел! Кстати, очень симпатичные щипчики. Это ведь для суставов пальцев? – пощелкал дроу перед носом Карела блестящими щипцами. – И в руке приятно лежат. А если раскалить...

– Если не интересен обмен, тогда возможен выкуп, – попробовал еще раз Карел.

– Какой выкуп, о чем вы? Разве мы, темные эльфы, нуждались когда-то в ваших желтых цацках? Мы долго живем – если не приходят рейнджеры, конечно. И за долгую жизнь накапливаем очень большие богатства – с точки зрения человека. Так что, это я могу купить, скажем, весь ваш отряд, и они выложат вас на стол в упакованном и аккуратно перевязанном красивым бантом свертке.

Черт! Прямой намек на предательство? Или он просто пытается сбить, заставить смириться с поражением, поверить, что никто не придет? Чтобы сам просил смерти? Нет уж. Лучше помучиться...

– Да-да-да. Так я и думал. Лучше помучиться. Ах, как это по-человечески! Сами люди так же относятся и к другим расам. Вот, например, в этом кресле, таком удобном для допросов, сидела не так давно девочка с длинными заостренными ушами. Что она могла знать? Да ничего, конечно. Она и не знала. Правда, ее и не спрашивали ни о чем. Просто отрезали ее ушки и отправили их эльфам. А раны прижгли, чтобы кровью девочка не изошла. Люди – они добрые. Они – чтобы помучиться, а не чтобы быстро умереть. Потом девочке сварили ноги. Натурально сварили, в котле. Вот сюда вниз ставится котел, наливается вода – и варится. Умереть от болевого шока не давали, спасали сразу. А сойти с ума эльфы не могут. Не бывает, говорят, сумасшедших эльфов. Ну, кроме нас, дроу. Мы же законченные психи, правда? Когда ножки сварились, жгутом перетянули их выше колена, чтобы раньше времени гангрена не началась или тромб до сердца не дошел...

Эльф помолчал, перекладывая на столе инструменты. А потом подскочил к Карелу и заорал в лицо, наклонившись так низко, что от сладкого дуновения затрепетали ресницы:

– И скормили девочке ее ноги и бульон из них! И она все съела! Силком скормили, чтобы с голоду не померла! Добрые люди... Добрый рейнджер Карел Голдман... Девочка не умерла голодной.

И снова его голос снизился чуть не до шепота, а сам он отошел за спинку кресла, стал невидим – голову-то не повернуть, ремень держит.

– А потом ей поджарили ручки. Вот сюда сбоку ставится жаровня, разжигается, а потом – потихоньку, потихоньку – жарятся ручки. Сок капает на угли. Пахнет вкусно жареным мясом. Лекарства и человеческая магия не дают умереть, но дают почувствовать боль. Она кричала?

Он снова нагнулся к лицу Карела и уже кричал, требуя ответа:

– Она – кричала?

– Сначала – да. Потом потеряла голос.

– Потеряла голос, какой кошмар... Это очень прискорбно. А ручки – тоже заставили съесть. Чтобы эльфийский детеныш, нелюдь, не помер с голода. Думаю, все это длилось не меньше двух недель... Или больше?

– Слушай, да приступай уже к пыткам своим, что ли? Надоел.

– Хе-хе... Мазохист требует, чтобы его пытали? А не буду!

Дроу щелкнул пальцами, и ремни вдруг ослабли так, что Карел чуть не свалился со стула.

– Вставай! Иди!

Встал и пошел.

Дроу вывел его на улицу. Возле дверей валялись смятыми мешками два охранника. Значит, все же, не продали его. Уже легче.

– Вон конь. Сумеешь выбраться из города до утра – твое счастье. Не сумеешь – моё. Ну?

Левая нога в стремя, толчок, тело возносится вверх, в высокое строевое седло... Эх, сейчас направо, вниз – и лови тогда ветра в поле...

Карел дернулся на стуле, открыл глаза.

– Да-да. С вами все те же, и вы всё там же. Неужели я похож на идиота? Но хватит играть, хватит. Пожалуй, пора начинать. Кстати, Карел, вы же специалист. Никогда не думали, что это за явление такое в нашем мире – темные эльфы? А? Эльфы – они же исключительно светлые! И вдруг – страшные красноглазые дроу, которых боятся все на свете. Откуда? Почему? Никогда не думали над этим вопросом? Ну, да, конечно. думать некогда – их убивать и пытать надо. Так я вам расскажу, дружище Карел. Темных дроу в природе не существует. Есть просто эльфы. И все. Но если эльфа загнать в угол, надавить так, что переломится весь его внутренний стержень – о-о-о... Вот тогда и появляется дроу – враг человека. Девочку эту, о которой разговор, помните еще? Эту, вашу последнюю? Она была моей внучкой. Единственной. У нас всегда мало детей, знаете ли. И теперь, уважаемый Карел, вы виноваты в рождении еще одного дроу. Вернее, двух дроу. Мой сын – он сейчас как раз вплотную занимается вашим отрядом. И я – лично вами. Так с чего начнем, добрейший Карел? С варки ног?

Тайная служба короля

– Скажите, дорогой наш, зачем вы ходили к горшечнику?

– Это уже допрос? Какое вы имеете право?

– Мы имеем, имеем такое право. Королевство и закон – вот наш девиз. Так что, право у нас есть. А вот вы...

Рыцарь надменно выпрямился на тяжелом деревянном стуле с высокой спинкой.

– Я дворянин, и не обязан давать отчета никому, кроме короля.

– Король... А вы считаете, что король должен вас выслушать? Вы что-то такое делаете, что-то знаете, что королю будет интересно?

В полутемной комнате свет лампы, висящей слева на столбе, подпирающем потолок, не освещал, а казалось, наоборот, скрывал черты того, кто сидел за столом. Вокруг стола было так темно, что не видно было стен. Хотя, комната не могла быть очень большой. Сидящий напротив был облачен в какую-то бесформенную серую хламиду, скрывающую фигуру. Видны были только худые бледные руки, спокойно лежащие на столе. Лицо наполовину скрывалось в тени низко надвинутого капюшона. Тонкие губы кривились в усмешке. Но при этом тон был вежлив, и обидеться пока было не на что.

– Рыцарь Темного пламени... Дети играют в вас и ваш отряд, вы знаете? Вы уже легенда королевства. Скоро о вас начнут писать сказки.

– Почему же – сказки? А может, всю правду?

– А вот всю правду будем знать только мы.

– Вы? – выразительно приподнял брови и осмотрелся как бы в недоумении рыцарь.

Кольчуга его блестела, начищенная песком и смазанная маслом. Меч под левой рукой, кинжал – под правой. Раз с оружием – значит, свободен. Значит, не страшно, а только как-то нудно и немного противно. Но это уж сам виноват. Зачем согласился «зайти на минутку»? Да, и насчет «страшно» – разве можно чем-то в этом мире напугать рыцаря?

– Да, мы. Всю правду знаем только мы. Я и король. Вернее, король и я.

– Хм, – недоверчиво хмыкнул рыцарь.

– Вот только обидно бывает, когда вся правда достается нам с потом и кровью. Так редко выпадает счастье разговаривать с честным человеком!

Пауза в разговоре как будто вынуждала что-то сказать, как-то подтвердить честность. Ну-ну... Специалист, сразу видно.

– Так все-таки, что вы, рыцарь, делали у горшечника?

– За мной следили? – надменно приподнялась вверх правая бровь, углы рта чуть опустились.

– Да какой смысл за вами следить? Вы же такой весь из себя честный и прямой, как буйвол какой-нибудь. Только прямо, только вперед, не оглядываясь, да еще и с шумом. Тут хочешь, не хочешь, а услышишь и увидишь. Мы тут даже поспорили, что вы ответите: мой помощник предположил, что у вас там просто небольшая интрижка...

Рыцарь молчал, не подтверждая и не отрицая.

– Другой заявил, что тут наверняка кроется какая-то государственная измена. Ну, он у нас всегда во всем видит измену.

Рыцарь молчал,

– А я вот решил просто поговорить с вами. Не гадать, а просто и прямо спросить. Итак, что вы делали у горшечника? Рыцарь и горшечник – странное сочетание, не находите?

– Чего же странного, – медленно вытолкнул слова рыцарь. – Мы старые боевые товарищи.

– Вот видите! Вот все сразу и разъяснилось! А эти-то, помощники мои – чего только не придумают! Измена, измена... Не такая, так этакая. Все бы им измену искать.

– Ну-у, с изменой тоже бороться надо. Так что я даже понимаю их, как мне кажется. Ну, в общем, не сержусь я на них...

– И это просто великолепно! Еще бы вы сердились! Это скорее нам надо сердиться – столько с вами проблем. Вот не было вас – не было проблем. А приехали – тут все проблемы сразу и посыпались нам на голову. А если король узнает? Нет, он узнает, конечно. Король знает все. Но – в свое время.

– И это время назначаете вы? – усмехнулся рыцарь.

– И это время определяю я. Назначить я не могу. Назначает король. А вот определить время, когда нужно спросить, и кому нужно ответить – это уже я.

Они снова помолчали.

– У вас все ко мне? – спросил рыцарь, уже готовясь встать.

– Всего я у вас просто не спрошу. Нам не хватит никакого времени. Вас же ждут гости, так? Рыцари, герои, защитники королевства, бойцы с нечистью... Поэтому еще совсем немного вашего внимания... Я очень прошу, – он прижал худую руку к груди, закрытой серым сукном, достал из стола пачку исписанных листов, покопался среди них.

– Вот! Итак, горшечник – ваш боевой товарищ. А что вы скажете о трактире «Золотой конь»? Ну, том, что на Королевском тракте?

– Там вкусное пиво!

– Да-да, именно пиво... А гостиница «Морской ерш», что в славном портовом городе Ньюпорте? Известна вам такая?

– Я вижу, за мной все-таки следили...

– А я вам уже второй раз говорю, что следить за вами нет никакого интереса. Вы проламываетесь сквозь тишину королевства, как бык через орешник. За вами такая тропа остается... Такие следы...

Рыцарь казался задумавшимся. Он уже никуда не торопился. Сел посвободнее, откинулся на спинку стула, посмотрел с прищуром:

– Я не вижу ваших глаз.

– А зачем вам мои глаза? Вы лучше вспомните о сторожке лесника. Вспомните паромщиков на переправе. Вот еще...

– Все-то вы знаете, везде-то вы были.

– Не все и не везде. И не я лично. Просто мне стало интересно: какой смысл? Зачем все это? Один мой помощник решил, что...

– Измена? Ну, вряд ли я могу изменить своему господину.

– Ну, а красоток малолетних там просто не было. Значит, не измена телесная, плотская, не измена политическая государственная. Но тогда – что?

– Но я, правда, всего лишь завернул в трактир, чтобы перекусить.

– И сразу после вашего визита трактир сгорел дотла.

– В гостинице я просто переночевал.

– Одни косточки среди угольев...

– Паромщики... Что, кстати, паромщики?

– Трех нашли ниже по течению. Упали неудачно в воду все трое и случайно утонули. Вот такая незадача. А где, кстати, четвертый? Их же четверо было? Сидеть!

Серый хлопнул ладонью по столу, а на плечи рыцаря, подобравшегося для прыжка, легли тяжелые ладони. Он хохотнул, напрягся, было, привставая с места, и снова упал на стул.

– Ну-ну, рыцарь Темного пламени, сэр Дрю. Мои помощники очень сильны. Очень-очень. Вырваться не получится. И оружие не поможет – вы уж не дергайтесь так, не мучайте сами себя. Итак, мы остановились на паромщиках. Где же все-таки четвертый? И насчет лесниковой дочки нам тоже интересно. Кстати, не она ли живет в мансарде у горшечника? Сидеть! Не то я прикажу вас связать. Это будет гораздо неприятнее, поверьте.

– Кто ты, тварь? Покажись, – рвался, извивался, теряя последние признаки принадлежности к человеческому роду, бывший рыцарь.

– Тварь – это ты. А мы храним спокойствие и порядок королевства, – откинув на спину капюшон, ответил спрашивающий. – Это мы наблюдаем за дорогами. Это мы выделяем места для кормления. Это мы приструнили черных монахов. Это мы, а не ты и такие как ты храним традиции. И это мы принимаем решения.

– Ты – наш! – как выплюнул.

– Нет, это ты – наш, сэр Дрю. Вернее, был наш, пока не обезумел от крови. И теперь ты умрешь на рассвете, как это и положено по нашим законам. По законам нашего королевства. И все будут смотреть, как ты будешь корчиться с первыми лучами солнца, прикованный за ноги и руки к крепостной стене. И вот это король узнает быстро, уже сегодня. Увидит, как умирают дикие вампиры, бывшие честные рыцари. И поймет еще раз, насколько же нужна наша служба. И снова поощрит нас своим доверием.

Он помолчал, подвигал массивной челюстью, которая, кажется, не принадлежала этому сухому лицу.

– Вяжите его, братцы. До рассвета у нас всего четыре часа, а есть еще несколько адресов, куда стоит заглянуть. Кстати, и к горшечнику этому...

Здесь живут чудовища

– Тю! Это ж Грашка со свалки! Вы ей не подавайте, у нее и так все есть! Лучше нам дайте!

Загорелый дочерна мальчишка дергал за рукав мундира капитана Лосса, задумчиво глядящего на девочку лет тринадцати, худую и такую же прокопченную солнцем, как и все здесь. Тут вообще было не место для мундиров. Белый горячий песок, яркое даже не синее, а в бирюзу больше – море. Выцветшее небо светло-голубого оттенка. Жгучее белое солнце. И поджарые просмоленные прокопченные какие-то местные жители, бегом носящиеся по мосткам, перетаскивая на «Алпару» груз.

– Вам, значит, надо, а ей – нет? – присел на корточки капитан, по-прежнему смотря в сторону девочки.

– Так есть у нее все, есть! И платья разные, и еда, и дом вот там, за свалкой! Ей ведь ничего не нужно – только бы в кораблики поиграть!

И правда, девочка ничего не просила. Она даже не обращала внимания на сошедших на берег моряков. Просто стояла в короткой тени таможни у беленой известью стены и рассматривала их корабль. Внимательно рассматривала, склоняя голову то к левому, то к правому плечу.

– Ну, вот вам на сладкое, – кинул монету пацанам капитан и медленно, потому что быстро тут ходить не получится, двинулся в город.

Город, как город. Наверное, вырос когда-то из простой рыбацкой деревушки, устроившейся в удобном месте. А то, что место удобное, было видно сразу. Жили тут богато. Деревянные дома были обиты темными досками мореного дуба. Стена вокруг города, тоже деревянная, буквально блестела на солнце – ни тебе плесени или гнили, ни проломов каких. На крепких воротах – отчищенные до золотого блеска бронзовые барельефы. Магазины со всякими редкостями чуть не на каждом шагу. И пиво в кабаках, как потом хвастались матросы, свежее и холодное.

Капитан прошелся по центральной улице, посидел в прохладе ресторана, выпил чуть-чуть местного бренди, чтобы, как говорил по этому поводу боцман, «уравнять температуры». Нет, все же тропики – это слишком. Правда, это все равно лучше, чем высокие широты, где солнце не греет, а вымораживает кровь, и пить надо там не бренди, вроде как для уравнивания температур, а густой тяжелый ром, чтобы добавить в кровь южной жары.

– Нравится? – спросил он у девочки, неслышно подойдя сзади. Она, выходит, так и стояла тут, все смотря и смотря на его корабль.

– Ага, – кивнула она, даже не вздрогнув и не повернувшись. – У меня такого еще не было. Четыре мачты!

– Моя «Алпара» – барк, поэтому у нее две грот-мачты. Хотя, это тебе не интересно, наверное?

– А стаксели вы ставите?

– Пока не приходилось. Ветер был попутный, парусов и так хватает, скорости особой никто не требует...

– А со стакселями, наверное, прямо как облако... Краси-иво.

Она обернулась и посмотрела прямо в глаза Лоссу:

– А вы кто – капитан?

– Капитан и хозяин. Это мой корабль. Полностью мой.

Солнце пекло сверху, давило на плечи и голову, прикрытую широкополой шляпой. А девочка как будто не чувствовала жары. Она снова повернулась к морю, снова посмотрела на корабль:

– У меня такого нет. Краси-ивый.

И убежала. Вот была – и вот нет ее. И к чему с ней было заговаривать? И что она имела в виду?

– Эй, кто тут у вас

Тут же подскочил пацаненок, черный, как из печной трубы:

– Да, сэр?

– Расскажи мне про эту Грашку. Я тебе монетку дам.

– Может, две?

Наглый, конечно, но куда деваться, раз что-то втемяшилось в башку капитана?

– Хорошо, пусть будет две. Но только если все расскажешь, с подробностями.

Они тут говорят, как в театре артисты играют. Машут руками, представляют в лицах. Вот и Грашку эту в лицах представили. Она живет на свалке, вот там, по берегу. Это свалка разбитых кораблей. Где им тут биться? Да дело не в том, где, а – как. Грашка, когда ей приспичит, выходит ночью к морю и начинает петь. И она так поет, так поет, что слышно не только в городе, а по всему-всему морю. В городе мамки закрывают двери и окна, загоняют всех в постель и следят, чтобы никто из детей не вылез на улицу. А в море – тут как уследишь? И на ее пение начинают сворачивать корабли. Но море большое, а кораблей в нем все равно мало. Поэтому обычно только один. Ну, два было разок, так об этом весь город помнит. В общем, Грашка поет, корабль поворачивает на ее пение и прет через бухту вот туда, к свалке. И там уже поразному выходит. Она с кораблями будто играет. Поднимает руки, и корабль как бы между ладонями оказывается. Она – хлоп! И нет корабля. И никого вообще нет. Одни обломки. Или хватает за нос и корму и разламывает посередине. А иногда не трогает, а продолжает петь, пока корабль на полном ходу не врежется в мель. А когда она устает, или если наиграется, когда и спать ложится, тогда уже все городские бегут сюда к морю и собирают обломки и все, что осталось. А если почти целый корабль, так весь его обирают, а моряков по семьям забирают. Она своим пением у них просто всю память отбивает, и они нигде больше не хотят жить, кроме как здесь.

– Ей вроде мой корабль понравился.

– Ну, значит, ночью будет петь, если вы отчалить успеете. А нет, так завтра, значит.

Получив свою плату, пацаненок убежал. А капитан долго смотрел на свой корабль, кладя голову то к левому, то к правому плечу.

Наутро Грашка опять стояла в тени таможни и смотрела, как матросы занимаются уборкой перед отчаливанием.

– Нравится? – капитан опять подошел бесшумно.

– Ага. У меня такого не было. Большой, красивый.

– А хочешь покататься? Мы сейчас груз отвезем, а потом опять вернемся сюда же с заказом. И потом уже – домой. Могу взять тебя с собой.

– Мне нельзя, наверное... – неуверенно проговорила Грашка. – Я тут нужна.

– Так я же и говорю: туда – и обратно. За неделю обернемся по любой погоде. Что тут за неделю сотворится? Ну? В полдень отчаливаем. Давай, решайся!

Лосс как будто видел маленькие шестеренки и рычаги, крутящиеся и щелкающие в голове у девчонки. Неделя – это же немного совсем. А потом, будет ли еще возможность покататься?

– Я приду! – и унеслась сквозняком за угол и к себе куда-то туда по берегу, по укатанному волнами твердому белому песку.

Ровно в полдень барк «Алпара» отчалил. Экипаж стоял по местам. В связи со слабым ветром подняты были почти все паруса. Грашка стояла на корме и смотрела, как паруса надуваются и начинают толкать парусник все быстрее и быстрее вперед в открытое море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.